

**«ПОГРАНИЧНАЯ СИТУАЦИЯ» В КОНТЕКСТЕ
ДУХОВНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И ФИЛОСОФСКОГО
МИРОВОЗЗРЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

А. В. Ярошевская

*Луганская государственная академия культуры
и искусств имени М. Матусовского*

Поступила в редакцию 25 февраля 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается одна из ключевых категорий экзистенциализма – «пограничная ситуация», ее влияние на экзистенциальный характер философского мирозерцания Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: экзистенциализм, пограничная ситуация, экзистенциальный характер философии, Ф. М. Достоевский.

Abstract: the article discusses one of the key categories of existentialism – the border situation – in the context of the spiritual evolution and philosophical outlook of F. M. Dostoyevsky.

Key words: existentialism, border situation, existential nature of philosophy, F. M. Dostoyevsky.

Экзистенциализм как уникальное направление философии, зародившееся на рубеже XIX–XX вв., продолжает свое развитие и сегодня. Философия существования, впитывая реалии современности, по-прежнему исследует человеческую личность на фоне «катастрофичности» бытия. Одной из характерных особенностей экзистенциализма является своеобразный синтез с различными видами искусств, в частности с литературой (С. Кьеркегор, Н. Бердяев, Л. Шестов, Ж.-П. Сартр, А. Камю и др.). В связи с этим закономерен интерес к личности и творчеству великого русского писателя и гуманиста Ф. М. Достоевского, который «своей личной жизненной, экзистенциальной драмой, <...> в творчестве сумел совершить провидческий прорыв из XIX века в век XX» [1, с. 48].

Экзистенциальное мировосприятие Ф. М. Достоевского – «фундаментально пограничное по своей природе, устремленное к “последним пределам”, апокалипсическое» во многом явилось следствием многочисленных пограничных ситуаций «перед лицом смерти», «у последней черты», пережитых писателем [2, с. 96].

Пограничная ситуация как важнейшая категория в экзистенциализме – величайшее потрясение, при котором личность оказывается между жизнью и смертью, бытием и небытием. В такой ситуации постигается экзистенция, т. е. подлинное, не размытое бытовыми аспектами существование, «совершается личностный прорыв к трагической сути бытия» [3, с. 127]. Только пережив пограничную ситуацию, человек способен сбросить с себя оковы условностей, общепринятых норм и взглядов.

Создатель термина Карл Ясперс («Разум и экзистенция», 1935) сравнивает пограничные ситуации со стеной, о которую разбивается весь предыдущий жизненный опыт человека, его рациональный взгляд на мир. Прежняя жизнь предстает перед ним как существование иллюзорное, неподлинное. Человек осознает, что окружающий мир заслонял от него бытие реальное, выходящее за пределы чувственного опыта. Поэтому пограничная ситуация дает возможность соприкоснуться с трансценденцией, богом. Ситуация между жизнью и смертью выявляет истинную сущность человека, является «экстремальным» осознанием своего предназначения. В результате личность получает способность понять божественный замысел относительно себя, преобразовать свое существование, наполнить его новым содержанием и смыслом. К пограничным ситуациям Ясперс относил смерть, страдание, борьбу и т. д. Данная экзистенциальная категория неизменно связана с одиночеством, когда человек остается один на один с самим собой и со своими проблемами.

О. Ф. Больнов отмечает, что пограничные ситуации, в которых человек «подведен к границе своего существования» невозможно предвидеть, «учесть»: «под напором их реальности человеку становится сомнительным основание любого знания и действия, в них открывается ущербность, способная <...> потрясти его жизнь до самых основ» [4, с. 45]. В. С. Баевский называет пограничные ситуации основными «модусами человеческого существования» [5, с. 156]. Среди ситуаций «бытия-над-пропастью» он выделяет, кроме прочих, любовь, раскаяние, совесть и решимость.

В работах современных исследователей В. В. Заманской «Экзистенциальные уроки Ф. Достоевского: чудо алогичной человеческой души» (2002), А. Н. Кошечко «Болезнь как экзистенциальный феномен в творческом сознании Ф. М. Достоевского» (2012), А. В. Лесевицкого «Ф. М. Достоевский и метафизика “пограничной ситуации”» (2013) и других, в творчестве Ф. М. Достоевского выделяются такие пограничные ситуации, как болезнь, гибель отца, арест, следствие и ожидание смертного приговора, ссылка, смерть детей и т. д. Однако вопрос о влиянии пограничных ситуаций на экзистенциальный характер философского мировосприятия Ф. М. Достоевского рассмотрен, на наш взгляд, недостаточно.

Анализируя данную категорию в контексте жизни и творчества Ф. М. Достоевского, необходимо отметить, что еще до К. Ясперса писателем с невероятной философской глубиной была определена «метафизическая сущность пограничной ситуации» [6]. При этом практически все пережитые пограничные ситуации, все экзистенциальные реакции на события внутри и вне своего «Я» писатель позже интерпретирует посредством художественных образов, «переживает» на страницах своих произведений.

«Я <...> переиспытал столько в жизни, что теперь меня мало что утрашит», – писал Достоевский к брату Михаилу [7, с. 82]. Существование «на грани» знакомо писателю с детства, когда он делал отчаянные попытки противостоять деспотичному и суровому отцу – Михаилу Андреевичу Достоевскому: постоянные столкновения, моральное давление,

боязнь взрывного нрава отца развили в Федоре Михайловиче отчужденность, неискренность, замкнутость. Позже, на становление характера восемнадцатилетнего юноши повлияла трагическая смерть родителя, который был, по одной из версий, убит крестьянами, взбунтовавшимися против жестокости своего барина. Ф. М. Достоевский не любил говорить об отце, просил не расспрашивать о нем, всю жизнь мучился воспоминаниями о страшном событии. Таким образом, переживая в юности ряд негативных ситуаций, писатель испытал «нечто страшное, незабываемое, мучащее<...> результатом чего явилась падающая болезнь» [8, с. 11].

Тяжелый недуг, проявившийся в ранней юности, стал еще одной пограничной ситуацией для Ф. М. Достоевского. По мнению ряда исследователей, эпилепсия как одна из важнейших психогенетических особенностей его личности имеет первостепенное значение для интерпретации экзистенциального сознания писателя. О мучительном недуге Ф. М. Достоевского, частых приступах «иногда по разу в неделю» вспоминала супруга писателя, его друзья и близкие. Болезнь не просто причиняла страдания, она довлела над писателем, который ежесекундно опасался нового приступа, постоянно находился «как бы накануне смерти» [9, с. 286].

Эпилепсия оказывала важнейшее влияние на мировосприятие Ф. М. Достоевского, на его судьбу, характер, семью, отношение к миру, творчество. Многие герои произведений писателя (Смердяков, Мышкин, Кирилов) – эпилептики. Припадки, бывшие «как бы страшными провалами, просветами, внезапно открывавшимися окнами, чрез которые он заглядывал в потусторонний *свет*», позволяли Ф. М. Достоевскому увидеть сущность столь противоположных характеров, заглянуть в «подполье» человеческой души [10, с. 66].

Интересно, что Зигмунд Фрейд в статье «Достоевский и отцеубийство» (1928) связывает причины болезни писателя с его отношением к отцу. Психоаналитик развивает теорию о вине писателя за подсознательную ненависть, вследствие которой позже в романе «Братья Карамазовы» появляется образ убийцы-эпилептика. Косвенную связь между отцом Достоевского и Федором Павловичем Карамазовым отмечает и К. Мочульский («Достоевский. Жизнь и творчество», 1980). «Литература – трагическая судьба Достоевского», – отмечал К. Мочульский, имея в виду мучительную работу писателя над первым романом «Бедные люди» [8, с. 27]. В 1843–1845 гг. в судьбе Ф. М. Достоевского происходят важные события. Начало писательского поприща, первое признание критики, а затем – непонимание, отчуждение, которое совпало с окончанием «романтической юности» как в литературе, так и в жизни писателя. Позже, в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе», Ф. М. Достоевский, описывая момент «экзистенциального озарения», признавался: «Я как будто что-то понял в эту минуту, до сих пор только шевелившееся во мне, но еще не осмысленное; как будто прозрел во что-то новое, совершенно в новый мир, мне незнакомый и известный только по каким-то темным слухам, по каким-то таинственным знакам. Я полагаю,

что с той именно минуты началось мое существование» [11, с. 484–485]. Осознание подлинного существования дало возможность писателю переосмыслить окружающую действительность и собственное предназначение, Ф. М. Достоевский впервые обратил внимание на вполне реалистические картины современности: «И замерещилась мне тогда другая история, в каких-то темных углах, какое-то титулярное сердце, честное и чистое, нравственное и преданное начальству, а вместе с ним какая-то девочка, оскорбленная и грустная, и глубоко разорвала мне сердце вся их история» [там же, с. 486]. Это определило дальнейшее направление философии и творчества писателя (в титулярном чиновнике и бедной девушке без труда можно узнать Макара Девушкина и Вареньку – персонажей «Бедных людей») и т. д.

Поистине трагичным стал для писателя 1849 год. Арест за участие в кружке М. В. Буташевича-Петрашевского и последующие за ним события приводят к пограничной ситуации, которая не переживалась, пожалуй, ни одним экзистенциалистом, ни до, ни после Ф. М. Достоевского. В письме к брату М. М. Достоевскому писатель рассказывал: «Сегодня 22 декабря нас отвезли на Семеновский плац. Там всем нам прочли смертный приговор, дали приложиться к кресту, переломили над головою шпаги и устроили наш предсмертный туалет (белые рубахи). Затем троих поставили к столбу для исполнения казни. Я стоял шестым, вызывали по трое, след<овательно>, я был во второй очереди и жить мне оставалось не более минут». И далее, после отмены смертного приговора: «Ведь был же я сегодня у смерти, три четверти часа прожил с этой мыслью, был у последнего мгновения и теперь еще раз живу! <...>Никогда еще таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь» [7, с. 81–83].

В этих воспоминаниях угадываются характерные особенности переживания личностью пограничной ситуации: пребывание на грани смерти, избавление от иллюзорных общепринятых норм, осознание экзистенции, переход от существования неподлинного к подлинному. Очевидно, что, преодолев обыденность сознания, человек получает новый импульс к жизни. Именно это пребывание «у последнего мгновения» позволило писателю задолго до экзистенциалистов ощутить ситуацию, когда «прошлое кончилось, началось другое существование» [8, с. 118]. Позже, соединяя момент лично пережитой экзистенции с экзистенцией «художественной», воплощенной в литературных образах, Ф. М. Достоевский расскажет о пережитом устами князя Мышкина («Идиот»).

Страшные годы пребывания на каторге Ф. М. Достоевский описал в своем дневнике и «Записках из Мертвого дома». Омская каторжная тюрьма стала следующим пограничным рубежом для писателя. Страдая морально от ненависти каторжан к представителю дворянства («Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью о нашем горе») и физически от непосильных условий содержания, Ф. М. Достоевский в письме к брату описывал период «страдания невыразимого, бесконечного» так:

«Представь <...> вечную вражду и ссору кругом себя, брань, крик, шум, гам, всегда под конвоем, никогда один, и это четыре года без перемен» [12, с. 90]. Здесь пограничные ситуации угрожали писателю не только физической, но и нравственной смертью, требовали невероятных и постоянных усилий для того, чтобы устоять духовно. Позже, в «Записках из Мертвого дома», писатель отмечал: «Одиноким душевно, я пересматривал всю прошлую жизнь мою, перебирал всё до последних мелочей, вдумывался в мое прошедшее, судил себя один неумолимо и строго и даже в иной час благословлял судьбу за то, что она послала мне это уединение, без которого не состоялись бы ни этот суд над собой, ни этот строгий пересмотр прежней жизни» [13, с. 467]. Пережитая пограничная ситуация способствовала перерождению, становлению нового мировоззрения писателя. Вероятно, поэтому в своем творчестве Ф. М. Достоевский внимательно «исследует личность в пограничной ситуации, в эпицентре кризиса, но всё же на том пределе, где личность остается личностью» [14, с. 57].

Пограничные ситуации Ф. М. Достоевского кардинально повлияли на содержание экзистенциального опыта писателя, «сместили многие ценностные ориентиры, изменили смысловые контуры важнейших экзистенциалов» [1, с. 108]. Именно после каторги мыслитель сформулировал свой «символ веры», оканчивающийся знаменитыми словами о предпочтении остаться с Христом даже вне истины. Новое мировосприятие изменило отношение ко многому, в том числе к прежнему кумиру и «главному учителю» – В. Г. Белинскому как представителю чуждого теперь Ф. М. Достоевскому социализма. Отныне «доказательствам разума противопоставляется свидетельство сердца», начинается борьба между верой и разумом, составляющая основу будущей философии и творчества Ф. М. Достоевского.

Часто Ф. М. Достоевскому приходилось переживать ситуации, хоть и не связанные с прямой угрозой существования, но по-настоящему катастрофичные, переломные. Здесь можно припомнить всепоглощающую страсть писателя к игре, переданную позже в романе «Игрок», которая едва не разрушила его жизнь. Роман «Игрок» – это история игромана, как сказали бы сейчас, человека, для которого рулетка стала экзистенциальным смыслом бытия: только играя, он чувствовал себя по-настоящему существующим. Сам Ф. М. Достоевский был, мягко говоря, «крайне невезучим игроком, втянутым в многолетний азартный вихрь» [15, с. 384]. В этот период для него характерны бесконечные ситуации «на грани», от редких выигрышей до частых проигрышей, до унижительного вымалывания денег у друзей и знакомых, пребывания в гостиницах «с огарком свечи», и чаем вместо обеда, в попытках уловить «непредсказуемое счастье, которое во мгновение ока может обернуться непереносимым горем» [там же, с. 405].

Личностные пограничные ситуации не менее значимы для понимания философского мировосприятия Ф. М. Достоевского. Страшным по-

трясением стала для него смерть двоих детей, причем потеря сына, по воспоминаниям жены Ф. М. Достоевского, явилась настоящим ударом, который «фатально отразится» на «пошатнувшемся здоровье» писателя. Усугубляло горе отца то, что мальчик умер от эпилепсии, передавшейся по наследству. Впоследствии образ, имя младшего из Карамазовых (которого в черновиках писатель называл «идиот») будут связаны с трагедией писателя: его умершего сына звали Алексей. «Вместе с именем вся отеческая нежность, все неосуществившиеся надежды на светлое будущее сына, переносятся на юного героя романа», – отмечает Мочульский [8, с. 471]. Алеша становится любимым героем Ф. М. Достоевского. Так, уже в предварительных набросках к первым двум книгам романа «Братья Карамазовы», написанным в 1878 г., – «История одной семейки» и «Неуместное собрание» – разрабатывается именно этот образ. Причем в уста юноши автор предполагал вложить «разъяснения» об искушениях Христа в пустыне, о социализме, новых людях и многие другие ключевые темы произведения. Алеша – «начало воли, осуществляющей себя, как идеал». Жена писателя вспоминала, что в главе романа «Верующие бабы», в образе несчастной женщины, пришедшей за утешением к Зосиме, Ф. М. Достоевский опосредованно описывал свои муки по умершему ребенку. Если идти глубже, то каждый из братьев Карамазовых как бы иллюстрирует определенный период в жизни самого писателя: «Иван отражает эпоху дружбы писателя с В. Г. Белинским и увлечение атеистическим социализмом; Алеша – символический образ писателя после каторжного периода» [там же].

Нередко пограничные ситуации были связаны не только с личными трагедиями, но и с творчеством Ф. М. Достоевского, его писательством. Так, после смерти Михаила Михайловича Достоевского он взял на себя все денежные обязательства и долги брата, заботу о семье покойного. После закрытия журнала «Эпоха» Ф. М. Достоевский оказался на грани разорения. Он просит друзей о материальной поддержке, но не получает ее. Писатель вынужден обратиться к спекулянту и эксплуататору, книготорговцу Ф. Т. Стелловскому. За три тысячи рублей Ф. М. Достоевский соглашается продать ему право на издание всех своих сочинений, а также берет на себя обязательство в кратчайший срок написать новый роман. Потрясенный сложившейся ситуацией, Ф. М. Достоевский пишет, что согласен снова оказаться на каторге, лишь бы избавиться от «кабального договора» и вернуть себе творческую и финансовую свободу. В письме к барону Врангелю он так описывает это состояние: «Теперь опять начну писать роман из-под палки, то есть из нужды, наскоро <...>. Работа из нужды, из денег задавила и съела меня. Из всего запаса моих сил и энергии осталось у меня в душе что-то тревожное и смутное, что-то близкое к отчаянью» [16, с. 260].

Невероятное обострение «чувства жизни», необходимость успеть выполнить всё задуманное особенно характерны для финала жизни Ф. М. Достоевского. Находясь на грани последней пограничной ситуа-

ции – смерти – писатель пребывал в отчаянии из-за финансовых трудностей, опасался не успеть закончить главный свой роман «Братья Карамазовы». Еще большие опасения вызывала у Ф. М. Достоевского судьба его семьи: в письмах он неоднократно отмечал, что волнуется о судьбе детей и жены. И здесь экзистенциальный, личностный страх соединялся со страхом «православным», преодолевающим пределы личной экзистенции.

В заключение необходимо отметить, что личные пограничные ситуации у Ф. М. Достоевского развивались на фоне «пограничности» эпохи, в которую ему довелось жить и работать. 1860-е – 1870-е гг. Ф. М. Достоевский воспринимал как период кризиса, когда человек, предоставленный сам себе, должен сам для себя определить жизненные приоритеты, избежать нравственной дезориентации [17, с.193].

Литература

1. *Бачинин В. А.* Достоевский : метафизика преступления : (художественная феноменология русского протомодерна) / В. А. Бачинин. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. — 412 с.

2. *Кошечко А. Н.* Творчество Ф. М. Достоевского в идейном пространстве гуманистической антропологии / А. Н. Кошечко // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). — 2014. — Вып. 9 (150). — С. 96–103.

3. *Мануковский В. В.* «Пограничная ситуация» и «подлинное бытие» в экзистенциальных концепциях К. Ясперса и Л. Шестова / В. В. Мануковский // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Культурология. — 2012. — Вып. 25, № 18 (272). — С. 127–129.

4. *Больнов О. Ф.* Философия экзистенциализма. Философия существования / О. Ф. Больнов ; сост. Ю. А. Сандулов ; науч. ред. А. С. Колесников, В. П. Сальников. — СПб. : Лань, 1999. — 224 с.

5. *Баевский В. С.* Экзистенциализм / В. С. Баевский // Вестник Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. — 2012. — Вып. 4. — С. 153–158. — Режим доступа: http://ru.history.vestnik.udsu.ru/files/originsl_articles/vuu_12_054_26.pdf

6. *Лесевицкий А. В.* Ф. М. Достоевский и метафизика «пограничной ситуации» / А. В. Лесевицкий // Гуманитарные научные исследования. — 2013. — № 11. — Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2013/11/3674>

7. *Достоевский Ф. М.* Письма. 37. М. М. Достоевскому. 22 декабря 1849. Петербург. Петропавловская крепость / Ф. М. Достоевский // Собр. соч. : в 15 т. — Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1989–1996. — Т. 14. — С. 81–85.

8. *Мочульский К. В.* Достоевский. Жизнь и творчество / К. В. Мочульский. — Париж : YMCA-PRESS, 1980. — 564 с.

9. *Кошечко А. Н.* Болезнь как экзистенциальный феномен в творческом сознании Ф. М. Достоевского / А. Н. Кошечко // Вестник Кемеровского гос. ун-та. — 2012. — Т. 4, № 3. — С. 285–289.

10. *Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский ; отв. ред. А. Л. Гришунин ; изд. подг. Е. А. Андрущенко. — М. : Наука, 2000. — 589 с. — (Литературные памятники).

11. *Достоевский Ф. М.* Петербургские сновидения в стихах и прозе / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1988. – Т. 3. – С. 482–502.
12. *Достоевский Ф. М.* Письма. 38. М. М. Достоевскому. 30 января – 22 февраля 1854. Омск / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. – СПб. : Наука, 1996. – Т. 15. – С. 85–95.
13. *Достоевский Ф. М.* Записки из Мертвого дома / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1988. – Т. 3. – С. 205–482.
14. *Заманская В. В.* Экзистенциальные уроки Ф. Достоевского : чудо алогичной человеческой души / В. В. Заманская // Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века : диалоги на границах столетий : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 304 с.
15. *Сараскина Л. И.* Достоевский / Л. И. Сараскина. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 825 с.: ил. – (Жизнь замечательных людей).
16. *Достоевский Ф. М.* Письма. 91. А. Е. Врангелю. 31 марта – 14 апреля 1865. Петербург / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 15 т. – СПб. : Наука, 1996. – Т. 15.– С. 255–262.
17. *Кошечко А. Н.* Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф. М. Достоевского (к постановке проблемы) / А. Н. Кошечко // Вестник ТГПУ. – 2011. – Вып. 7 (109). – С. 192–199.

Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского

*Ярошевская А. В., соискатель кафедры теории искусств и эстетики
E-mail: radistkakett00@mail.ru*

Lugansk State Academy of Culture and Arts named after M. Matusovsky

*Yaroshevskaya A. V., Applicant for the Department of Theory of Arts and Aesthetics
E-mail: radistkakett00@mail.ru*